

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Понимание города как особым образом организованного пространства, своего рода квинтэссенции пространства культурного является уже устоявшимся в культурологии. Однако, некоторые аспекты именно такой трактовки города, на наш взгляд, нуждаются в дополнительной конкретизации и систематизации.

Прежде всего, неоднозначно само понятие «город». Поэтому при изучении городской культуры важно учитывать место и статус города в общенациональном культурном пространстве. Исследователь вынужден оперировать такими понятиями, как «столица», «культурный центр», «провинциальный город», «малый город» и др. Различия в интерпретации этих терминов порождают, с одной стороны, путаницу в их употреблении, а с другой – предубеждение, нежелание их использовать вовсе. Тем не менее, изучая культуру города, без них не обойтись. Поэтому необходимо определиться с их содержанием, хотя бы в рабочем порядке.

Столица – это место, где находится резиденция власти. Этот термин относится скорее к сфере политической географии, чем к культурологии. Иное – культурный центр. “Образ *центра* – один из фундаментальных символов человечества. Это символ начала, абсолютной реальности, места конденсации и сосуществования противоположных сил, наиболее концентрированной энергии... Это символ творческой силы и конца всех вещей” [3, С. 326]. Понятие центра архетипично, выделять его можно бесконечно. По сути, любой город является центром для своей округи. В общем смысле центр – это пространство универсальных возможностей, репрезентант культуры, её концентрация. В отличие от него провинция – носитель особенного начала, иногда оппозиционного общенациональной культуре. Полагаем, что при проведении культурологического исследования целесообразно использовать определение провинции как “территории страны в отличие от столицы” [4, С. 902]. Оно не содержит откровенно негативной оценки провинции, не ставит её в

изначально подчинённое положение догоняющей, идущей вслед за столицей на весьма невыгодных для себя условиях. Неслучайно почти во всех словарях, где даётся подобная трактовка, она отмечается ремарками «разг.» и «перен.», то есть не рассматривается как нечто, имеющее объективную значимость. В то же время здесь справедливо указывается на «отличие», которое характеризует провинцию как нечто самостоятельное в духовном отношении, какую-то иную культуру, с которой необходим диалог.

Деление общенационального культурного пространства на центральное и провинциальное или периферийное является иерархическим. Место в иерархии городов определяется рядом показателей: степень интенсивности роста и развития города, наличие культурной элиты, общий уровень жизни горожан и др. Чаще всего иерархическая организация пространства ассоциируется с авторитарной культурой. Но это неверно, всегда были разные города: малые и большие, уездные и губернские, окружные и краевые, областные и республиканские, крупные религиозные, торговые, промышленные и научные центры. Например, в послевоенном Советском Союзе к этому списку добавились «города-герои» и «закрытые города», а в последние годы в печати периодически возникают рассуждения о третьей столице. Все эти степени и звания не могут не накладывать отпечаток на культуру городов, процесс этот существует объективно, так что при анализе ситуации учитывать его необходимо. Новосибирск, Екатеринбург или Нижний Новгород являются для своих регионов чем-то вроде мини-столиц, и это вполне естественно, так как абсолютное равенство городов, как и людей, невозможно. От степени близости или удалённости от центра зависит многое: самостоятельность или вторичность культуры, её лояльность или оппозиционность, интенсивность контактов, восприимчивость к новому.

Таким образом, город как сложноорганизованная система включен в систему ещё более сложную, вне которой понимание его собственной неизбежно будет неполным. С нашей точки зрения, отношения города с этой макросистемой обязательно носят двусторонний, амбивалентный характер: город не может не испытывать на

себе её воздействие и одновременно влияет на неё, внося свою лепту в создание многогранной и неповторимой национальной культуры. И, конечно, формирование внутригородского пространства в каждом конкретном случае трансформирует основные тенденции развития общенациональной культуры, репрезентантом которых является центр.

Пространственное выражение сущности города можно условно разделить на два уровня: 1) внешний – обусловленность окружающей средой, географическими особенностями; 2) внутренний – собственно городское, окультуренное пространство. Первый является предельно общим. Под его влиянием определяются основные функции города. В провинции это влияние будет сильнее. Столичный город, как правило, универсален, функции провинциального поселения определены природой гораздо жёстче и спектр их более ограничен. Кроме того, природные особенности места непосредственно влияют на характер жителей, формируют их психологию. Территориально-географические особенности размещения города обуславливают степень интенсивности его контактов с внешним миром. Расположение вблизи путей сообщения предопределяет для города более благоприятные условия для развития разного рода культурных контактов. Близость к границе с другим государством обеспечивает ещё большее разнообразие влияний иных культур. Играет свою роль степень удалённости от столицы или другого крупного центра. Особый мир города формируется и в условиях совместного сосуществования с другими народами – создаётся благоприятная почва для многонационального диалога.

Также значима и проблема взаимосвязи города с его непосредственным природным окружением. Как правило, граница между крупным городом и сельской округой определена резко. Небольшой город переходит в не-город постепенно. К тому же, если близость к метрополии накладывает отпечаток на образ жизни окрестных сёл, то в провинции деревенский уклад жизни проникает в город, проявляясь, например, в значительной доле частного сектора в застройке. Способствует этому процессу и то обстоятельство, что

многие бывшие сельские жители, являясь горожанами в первом поколении, иначе, чем их соседи, относятся к природе и продолжают вести традиционный образ жизни. До революции большая часть жителей провинциальных городов и заводских посёлков имела свои хозяйства, которые приносили весомую прибавку к их доходам. И в наши дни работа на садовом участке или в деревне является важным источником обеспечения для большинства горожан. В то же время жители крупного центра (столицы), как правило, воспринимают дом за городом как дачу, место отдыха или хобби. Поэтому связь с природой в провинции сохраняется прочнее, а в отношении к ней сложно сочетаются прагматизм крестьянина и эстетическое восприятие горожанина.

Внутригородское пространство - это заведомо искусственно созданное пространство, нечто отгороженное от окружающей естественной природы, особым образом организованное. Это то, что противостоит природному хаосу, именно человеческое, обжитое, освоенное пространство. Очевидно, что, чем крупнее город, тем менее в его пространстве заметно влияние естественного природного окружения и тем дальше отодвигается граница их соприкосновения. Под влиянием деятельности людей отчасти меняется даже ландшафт и климат. В малых городах городское пространство регламентировано «мягче». Водоёмы, рельеф и даже естественная растительность, оказавшиеся в черте города, сохраняются хотя бы фрагментарно, особенно на окраинах, в то время как в крупном центре они, скорее всего, будут изменены до неузнаваемости. Присутствие естественного рельефа и растительности в самом городе, а тем более за его пределами обуславливает своеобразие внешнего облика небольшого города, отчасти компенсируя отсутствие или недостаточность архитектурных красот.

Важным аспектом проблемы является организация внутригородского пространства, а именно планировка, архитектура. Структурирование континуума также производится на основе выделения центра и окраин. Обычно центр представляет собой достаточно чётко организованное пространство. Хотя в нашей стране ес-

ли окраины возникали и застраивались уже в годы советской власти - их формирование велось по единому плану, то в результате, они могли оказаться и более организованными. В любом случае регулярная планировка – красноречивый признак присутствия авторитарной власти, контролирующей все сферы жизни, в том числе и частную. Власть требует ясности, открытости, прозрачности, и соответственно выстраивает городское пространство. Разумеется, наличие органов власти в центре города обуславливает и упорядоченность его застройки. Чаще всего он представляет собой средоточие административных функций. В свою очередь, удалённость от центра порождает большую хаотичность планировки. Это формирует мир окраин как более независимый, свободный, но зато и менее удобный для жизни.

Центр – это также самое многолюдное место, где собираются горожане, и разворачивается активная коммуникация между ними. Поэтому и пространственно он должен отличаться просторными улицами и площадями, быть более привлекательным эстетически. С древнейших времён города выделяли свои центры не только горизонтальной протяженностью, но и вертикальными доминантами - гигантскими статуями богов, куполами, колокольнями и шпилями церквей, минаретами мечетей и т.п. “Через центр проходит мировая ось, которую в христианских городах, как правило, символизирует храм... Вертикаль – простейший мощный символ вознесения и прогресса, активности, действия, основной элемент сотворения... Это символ, объединяющий верхний и нижний миры” [3, С. 110]. Таким образом, центр одновременно утверждал порыв вверх, к небу и символизировал мирскую власть, а также земное богатство. Именно здесь преобладали каменные дома, выделявшиеся своими размерами (прежде всего - высотой) и декором. Во многих городах в центре находились рыночная площадь или завод (это характерно для бывших заводских посёлков). Кроме того, там располагалось большинство институтов культуры, обозначавших духовные богатства города.

В Советской России, после того, как многие культовые сооружения были уничтожены, провинциальные города приобрели более приземлённый вид. Отличие центра от окраин несколько сгладилось и в другом отношении: широкие площади и проспекты, каменные многоэтажные дома появились и в нецентральных районах. Из эстетических соображений новые заводы размещались на периферии, старые заводы в центре закрывались. Центр сохранил за собой функции административные, торговые и культурные и приобрёл новую – историческую, так как в нём сохранилась часть старинных особняков, элементы первоначальной планировки.

Окраины же зачастую представляли собой сферу динамичного развития, модернизации. Здесь, как и раньше, жила основная масса населения и поэтому строительство велось интенсивно. Архитектурные идеи советского времени привели к тому, что окраины городов были застроены типовыми одинаковыми домами, расположенными сплошными рядами вдоль прямых, более или менее широких улиц. Подобная застройка лишила большинство городов индивидуальности внешнего облика, сделала их похожими один на другой. Взгляд обитателей такого города движется в заданном направлении, строго вдоль улицы, лишается возможности выбирать, на что смотреть. Эта установка способствует формированию таких черт личности, как безынициативность, равнодушие, конформизм. “Горизонтальная линия, направление рождает чувство покоя, прочности, лёгкости, свободы, безопасности, равновесия, пассивности, монотонности, тяжести (в соответствующем контексте)” [3, С. 109]. Очевидно, что эпитеты «монотонный», «тяжелый», «пассивный» будут относиться к горизонталям улиц, обрамлённых одинаковыми, примерно одной небольшой высоты домами, с отсутствием вертикальных прорывов и разнообразия оформления, что как раз характерно для архитектуры застраивавшихся в советское время провинциальных городов. В таком городе вряд ли может возникнуть чувство «малой родины», «освоенности» пространства, ответственности за то, что происходит в нём. Своеобразие своего города

его житель может почувствовать лишь в центре, где остатки старины, как правило, находились в состоянии, близком к разрушению.

В наши дни происходит обратный процесс. Возрождение интереса к своему прошлому приводит к реконструкции исторических центров, в более крупных городах – к выделению наряду с ними новых деловых центров, символизирующих настоящее и будущее современного города. Здесь вновь появляются вертикальные доминанты – многоэтажки, в центральных городах небоскрёбы. С другой стороны, оказываются в пренебрежении рабочие окраины: их типовая застройка, потеряв лоск новизны, приобретает совсем неприглядный вид, превращаясь, порой в скопище каменных бараков. Особенно ярко этот процесс проявляется в промышленных городах, где падение производства приводит к замиранию жизни окраин, обеднению жителей, устремлённости их в центр или в другой, более крупный город. Усиливается расслоение на центр и окраину, выражаясь, в том числе, и в большей эстетической привлекательности центра, в повышенной активности и напряжённости его жизни, что приводит к соответствующим изменениям в сознании горожан. Центр начинает восприниматься как точка пересечения прошлого, настоящего и будущего, в то время как окраины осознаются как города несбывшейся мечты, как движение вспять – из будущего в прошлое.

Близки по внешнему облику к советским рабочим районам современные спальные районы, где типовая застройка безликими многоэтажками и незначительное количество достопримечательностей также делают пространство похожим на каменные джунгли, а высокая плотность населения – на муравейник.

К городскому культурному пространству следует отнести и топонимию – названия улиц, площадей и иных значимых для горожан мест. В самом принципе называния как символической организации пространства проявляют себя механизмы функционирования общественного сознания и способы управления им. Следует согласиться с точкой зрения Н.П. Анциферова, который писал: “Изучение хорографической номенклатуры весьма интересная для урба-

низма задача. Названия дают материал для этнографа, историка, экономиста, социолога. Нужно проследить историю переименований. Каждое переименование отмечает факт общественной жизни, отмечает смену вкусов и идей. Каждая эпоха, можно сказать, имеет свой излюбленный тип названий... Хорографическая номенклатура имеет большой смысл. Она является языком города, через который мы можем знакомиться с самыми разнообразными сторонами жизни” [1, С. 101-102].

Как правило, для центра характерны официальные названия, связанные с именами и событиями исторической и государственной важности. Это могут быть имена правителей, полководцев, видных администраторов. Отражается и местная специфика – в именах основателей города. В России в советское время им на смену пришли названия, прославляющие революцию и социализм. Улицы имени видных революционеров и революционных событий, подчас никак не связанных с местной историей, присутствуя в разных городах, способствовали их унификации, на первый план вышло всеобщее, централизующее начало.

Персонажам местной истории (строго определённых её событий) было отведено второе место, они присутствовали в названиях на окраинах. В топонимии нецентральных районов всегда отражалась большая свобода, демократичность процесса наименования. Он шёл там, как правило, стихийно, а затем прижившееся название закреплялось официально. Такие названия содержали в себе больше информации о жизни людей конкретного района, переулка, посёлка, способствуя тем самым складыванию индивидуального облика города. Они давались в соответствии с внешними особенностями места, национальным или профессиональным составом жителей, функциями, степенью близости к какому-то значительному объекту. После революции даже самые маленькие и отдалённые от центра переулки стали средством пропаганды определенной политики, и процесс их называния был взят под контроль.

Особое распространение также получили улицы и площади имени приоритетных (как правило, рабочих) профессий, основных

вех развития социалистической истории (первой пятилетки, третьего интернационала и пр.). После войны добавилась военная тематика, в 1960-е годы – связанная с космосом. Такие названия имелись в каждом городе и, будучи «спущенными сверху», как бы отчуждали людей от мест их обитания, придавали отношениям между городом и жителями оттенок холодности, казённости. Но это отчуждение отчасти компенсировалось «встречным процессом» – изменение имеющихся и придумывание новых названий в разговорной речи. Пародирование, снижение смыслов, ироничный или откровенно пренебрежительный подтекст бытовых названий восполняли недостаток «освоенности» города в сознании местных жителей.

Преобразования топонимии осуществляются по-разному. В столице они проходят быстрее и являются прямым следствием изменения общих идеологических установок. В провинции скорее наоборот – вначале производится переименование, а затем осознаётся его смысл. В городах с древней историей и богатыми традициями новые названия приживаются сложнее, болезненнее, а порой и не приживаются вовсе. В молодых городах или в городах, где отсутствуют прочные традиции, этот процесс проходит значительно легче. Но при этом разрушается и без того недостаточно сложившийся в таком городе механизм самопорождения топонимов, и восстановить его потом, обрести своё лицо ему гораздо сложнее. Показательно, что российские провинциальные города, сформировавшиеся в годы советской власти, отличается меньшее разнообразие в топонимии, слабая заинтересованность в её индивидуализации.

Коммуникация является одним из важнейших аспектов пространственной организации городской жизни. По мнению В.И. Пароль, можно выделить две особенности осуществления городом коммуникативных функций: «С одной стороны, здесь (в городе) наблюдается усиленная тенденция к учащению непосредственных контактов между родственниками, знакомыми и лицами, находящими себе занятия в различного рода увлечениях, которые не регламентируются. С другой стороны, усиливается тенденция к всё большей опосредованности контактов через разные социальные ин-

ституты и общественные организации, решающие проблемы быта и досуга. Однако в силу особенностей городской жизни с ее интенсивным ритмом и частой сменой форм занятий особенно настоятельно встает вопрос об организации контактов именно на регулируемой основе” [2, С. 93]. То есть, городское пространство организует особым образом и коммуникацию горожан, опосредуя её средствами связи, транспорта, специальными институтами для проведения досуга, а также определёнными социальными правилами (этикет).

Очевидно, что, чем крупнее город, тем дальше друг от друга находятся в нём люди, тем длиннее цепочка опосредующих средств между ними. Жители провинции имеют больше возможностей для непосредственных контактов, в их отношениях меньше организационных моментов (что отнюдь не означает их меньшего драматизма). Однако крупный центр обладает большим потенциалом для удовлетворения потребности в общении на самых разных уровнях (от высокоинтеллектуального до «тусовочного»). В то же время одна из самых острых проблем провинциального города – проблема эффективного проведения свободного времени. Недостаток или полное отсутствие досуговых учреждений, бедность и невысокое качество предоставляемых ими услуг существенно ограничивают для провинциала выбор мест и форм общения. Основными точками коммуникации остаются работа и дом, а также промежуточные варианты (транспорт, магазин, больница и т.п.), что ведёт к противоречивым последствиям. Одни довольствуются узким кругом общения, который способствует сокращению духовных запросов, и, в результате, составляют группу типичных «провинциалов». Другие, испытывая чувство неудовлетворённости, стремятся «вырваться» туда, где возможностей больше. Третьи находят для себя более высокие формы удовлетворения потребности в общении - через науку, искусство, религию, углубление в собственный внутренний мир.

С другой стороны, большая плотность населения на единицу пространства в крупных городах порождает переизбыток общения, ведущий к его формализации, усталости людей от «калейдоскопа

лиц» и к снижению потребности в другом человеке. В малых городах редкость «внешних» контактов и отсутствие развлечений повышают значимость людей друг для друга, делают непосредственное общение особенно ценным. Организация маршрутов движения структурирует пространство и, в конечном итоге, внутригородскую жизнь, являясь и важной характеристикой культуры города в целом.

Таким образом, можно выделить основные элементы, из которых складывается городское пространство. Это место, занимаемое городом в пространстве природном и общекультурном; внутригородская пространственная структура, включающая в себя планировку, архитектуру и топонимию; маршруты движения человека внутри городского континуума и организация его жизни в соответствии с пространственной средой.

Список литературы

1. *Анциферов Н.П.* Как изучать свой город в плане школьной работы – М.-Л.: Госиздат, 1929.
2. *Пароль В.И.* Соцгород. Урбанизационные процессы и образ жизни горожан: В 2-х частях – Таллин: Валгус, 1982. – Ч. 1.
3. Семиотика пространства: Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Барабанова. – Екатеринбург: Архитектон, 1999.
4. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Рус. словари, 1994. – Т. 3.